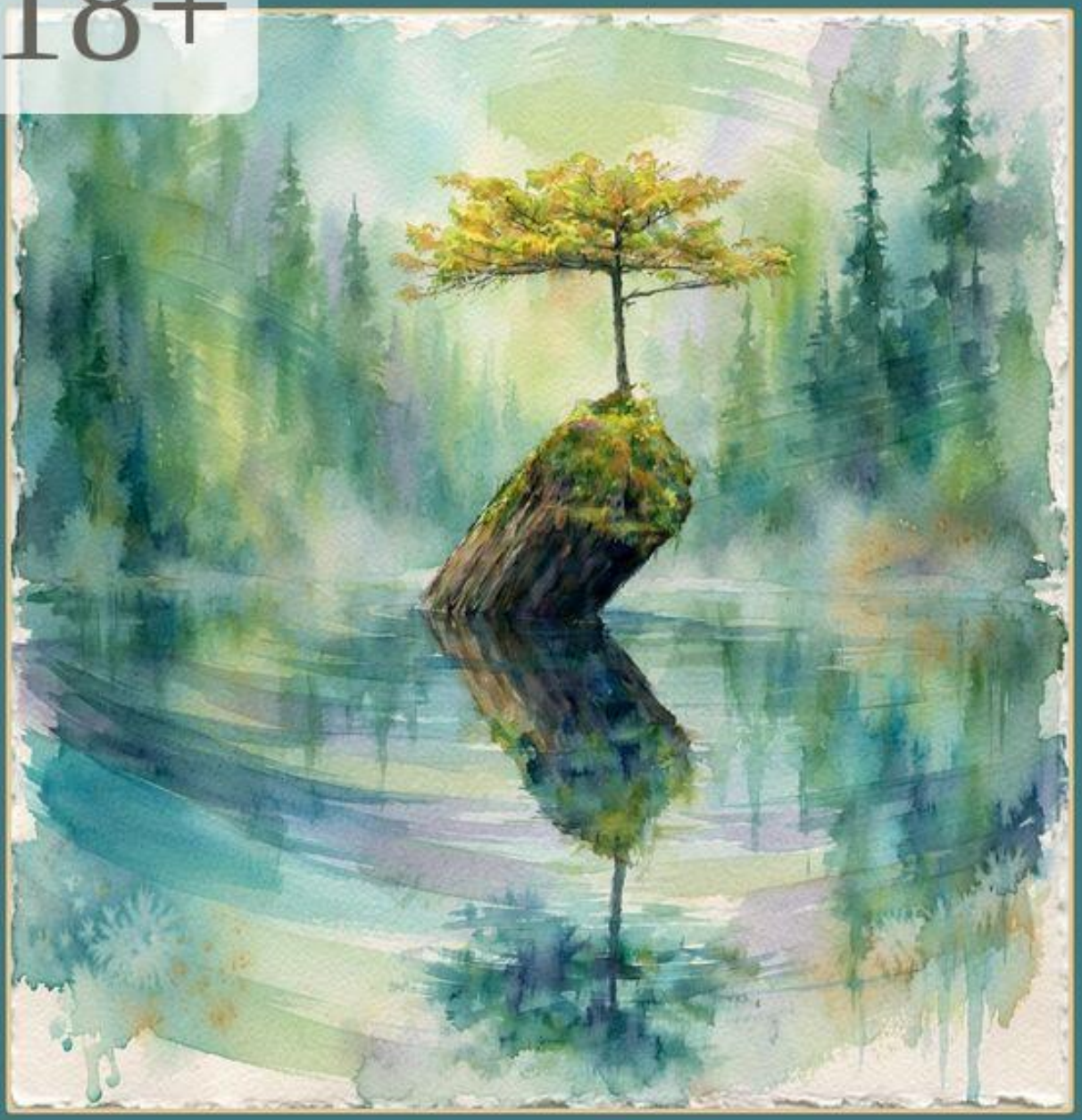
18+

ЕЛЕНА ЯНГЕ

ЧИП-ЧИП, МИЛАЯ

роман о взрослении, социализации
и поиске себя

Елена Янге

Чип-чип, милая

«Издательские решения»

Янге Е.

Чип-чип, милая / Е. Янге — «Издательские решения»,

В 23 года Стася понимает, что не вписывается в общество, не чувствует себя женщиной. Со свойственной ей решимостью героиня ставит перед собой вопрос: «Как стать настоящей женщиной?»Поиск ответа превращается в самоцель, препятствуя изменениям в жизни. Попытки выстроить отношения, преклонение перед отцом, трагико-комические ситуации на работе, неожиданная встреча с матерью — основные сюжетные ходы романа, а слова «Спочан — Путь открытия мира в себе и себя в Мире» становятся путеводной ее звездой.

© Янге Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть I 6
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Чип-чип, милая

Елена Янге

Редактор Маргарита Пальшина
Корректор Виктория Лакбильд
Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Елена Янге, 2026
© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5734-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

«То, что нас не убивает, делает нас сильнее».
(Ницше)

Глава 1

В это трудно поверить, но до двадцати трёх лет мужчины меня не волновали. Почему, трудно сказать. Видимо, мои биологические часы были с дефектом. Шло время, и круг интересов стал расширяться. У меня появилось желание покупать женские журналы, выходить на сайты знакомств, рассматривать собственное тело. Дальше — больше. Я мысленно раздевала мужчин, принюхивалась к ним, смотрела на губы. Последствия не заставили ждать. На вечеринке, посвящённой спортклубу, я познакомилась с Графом. Он стал моим любовником и приходил в гости по вторникам и пятницам. Почему в эти дни, я не спрашивала. Внутри меня проклюнулась нежность, а это стоило многого.

Граф принимал обожание как должное и баловал редкими поцелуями. Мне было довольно и этого. Я с интересом изучала тело любовника и его анкету. Имя Евграфа знали немногие, в жизни Гусева звали Граф. На мой вопрос: «Как тебе кличка?», Гусев ответил: «Без эмоций». Вскоре я поняла: эмоции Графа — в той же плоскости, что быт, политика, женщины — над ними парил маниакальный интерес к компьютеру. Подобное открытие не окрыляло, но что делать, Гусев был прирождённым айтишником.

Период нашей притирки прошёл благополучно, и в очередную пятницу Граф явился с огромной сумкой. В ней были процессор, монитор, роутер, пара белья. Взглянув на эти «сокровища», я поняла: Граф решил переселиться ко мне. Попугай сделал тот же вывод. Он забился в угол и загрустил.

— Кеша, скажи: «Привет!»

Попугай заквохтал. Понятно — ревнует.

— Ты зря.

— Зря, — крикнул Кеша.

— Ишь ты — говорящий, — удивился Граф.

Оторвавшись от компьютера, он взглянул на Кешу. До сих пор тот при нём не разговаривал.

— Откуда родом?

— Из Бразилии.

Граф подошёл к клетке и просунул палец.

— Здорово, приятель.

— Пш-пш, — разволновался попугай. — Дрянь! Дрянь!

Кеша захлопал крыльями, и Граф попятился. Видимо, слова попугая задели его за живое. Граф вернулся к компьютеру и замолчал. Впрочем, мне было всё равно. Я лелеяла мысль — в доме поселился мужчина. Мой мужчина.

Присутствие Графа чувствовалось везде. В заплёванной пастой раковине, поднятой дужке туалета, грязных носках, разбросанных по комнате, в хлопанье дверцей холодильника. Казалось, Граф метил территорию. Впрочем, меня это не раздражало. В действиях любовника было что-то новое, можно сказать, экзотическое. Я мыла раковину, стирала носки, готовила обеды, однако Граф этого не замечал. Он сидел за компьютером и издавал всевозможные звуки — бурчал, хмыкал… Руки Графа ни на минуту не оставались без дела. Они нажимали на клавиатуру, ерошили волосы, лезли в нос, чесали самые неподходящие места. Лохматый, с

красными воспалёнными глазами, Граф походил на учёного-одиночку. В такие моменты единственным раздражителем были позывные его мобильника. Услышав «Славянку», Граф спешно тянулся к телефону.

— Алло! — орал он. — Что? Сервлеты не применял. Не бойся, всё окей. Попробуй распарсить. Не получается? Да он, паразит — висельник. Во-во, глюки. Режим Fast CGI mod-perl… Пинги пожмакал?

Подобный разговор возвращал Графа в реальность, и, пытаясь с ним сблизиться, я задавала вопросы.

— Что такое «пинги пожмакал»?

— Набрать на клаве.

— Не поняла.

— На клавиатуре говорю.

В голосе Графа появлялось раздражение.

— Так бы и сказал.

— Перл, — запуская руку под свитер, бурчал Граф. — Давно пора перейти.

Какой «перл», куда перейти? Я ждала ночи и временами получала порцию ласки. Совсем как собака Павлова.

Так мы и жили. Я открывала Гусева, он — новую программу. Спустя три месяца разразился конфликт. Причина очевидна: несколько дней я сидела на «голодном пайке». Сказать стыдно, попросить тоже. Возникло желание прицепиться. Повод появился во вторник. Вернувшись с работы, я вошла в комнату и, дружелюбно кивнув, громко крикнула:

— Мальчикам привет.

В ответ я услышала странные звуки из клетки. Последнее меня насторожило. Я привыкла слышать: «Пр-р-ри-вет», а тут…

— Что с попугаем?

— М-м-м?

Бросив сумку, я кинулась к Кеше.

— Да у него же — понос.

Граф громко засопел.

— У кого понос?

— У Кеши.

— Кеша, Кеша… Жрать надо меньше.

Я заглянула в кормушку. Там лежало печенье.

— Неужели не жалко?

— Кого?

— Кешу, конечно.

Посадив попугая на руку, я подошла к Графу.

— Нечего было орать, — пробурчал он.

— Перекормил? Специально?

— У тебя что — других дел нет? Носишься с попугаем…

— Мне кажется, я ношусь только с тобой.

— Хм, — процедил Граф. — Не замечал.

Сердце замерло, и пружина вылетела наружу.

— Я ему готовлю, вытираю плевки, а он… Может, и меня не замечаешь?

Я наклонилась к Графу и упёрлась рукой в клавиатуру. Монитор выбросил луч и погас.

— Дрова, — прошипел Граф.

Его тяжёлый взгляд воткнулся в мою переносицу, под щеками заходили желваки.

— Неужели сможешь ударить женщину? — с вызовом спросила я.

Граф криво улыбнулся.

— Где же здесь женщина?

— Граф, не хами.

— Посмотри на себя. На голове — гнездо, ногти обкусаны…

— Граф!

— Что — не нравится?

— Мы же с тобой…

— Хочешь сказать, спали?

Граф ухмыльнулся.

— Мало ли кто с кем спит, детка. Лучше глянь в зеркало. Пара сосков и клок волос меж ногами.

— Сволочь, — ахнула я. — Какая же ты — сволочь.

Кеша вскрикнул, и по руке потекла липкая жижа. Я выпустила попугая и влепила Графу пощёчину. Граф поднял настольную лампу. В уголках его губ появилась пена, глаза утонули под веками. Ещё секунда, и лампа опустилась бы мне на голову. Однако не на ту напал. Я встала в стойку и продемонстрировала приём самбо. Граф рухнул на пол и слабо икнул.

— Хук, — крикнул Кеша.

Я бросилась к Графу и прислушалась. Неровное дыхание и никаких повреждений. Значит, ничего страшного. Я отправилась на кухню. Послышались отборные ругательства, затем Граф встал и, побросав в сумку вещи, хлопнул дверью.

Мы с Кешей остались вдвоём.

Глава 2

Была та часть ночи, когда дом погружается в тишину. Я уже приготовилась ко сну, когда взгляд зацепился за Батяню. Нелепое лицо, широкий нос, растерянная улыбка — Батяня был подарком отца, единственного человека, имевшего отношение к моему воспитанию. Лунный свет отразился в пластмассовых глазах, и мне показалось, Батяня усмехнулся.

Я вздрогнула. «Пара сосков и клок волос между ногами».

Слова Графа испускали зловоние. Они отравляли мозг, мешали сосредоточиться — жить, наконец. Растерянность и обида сменились злобой.

— Сволочь, — воскликнула я.

— Кх. Кеша не спит.

Я повернулась к клетке.

— И зря.

— Пр-ри-вет.

— Спокойной ночи, маленький.

В своём одиночестве я походила на луну. Однако меня окружали не облака, не звёзды, меня окружало моё прошлое. Детский сад, школа, спортклуб, а надо всем этим возвышался отец. Он был единственным, перед кем я благоговела. В своё время отец окончил истфак МГУ, работал на кафедре политэкономии, обозревателем новостного агентства. Его жизнь была динамична, круг интересов огромен, и, глядя на отца, многие думали, что он счастлив. Однако люди ошибались. Внезапный уход жены и двухлетняя дочь на руках были тяжёлым испытанием. С честью отца он выдержал. Перешёл на домашний режим, занялся переводами, подыскал няню. Подойдя к воспитанию по-мужски, отец наблюдал, как я ползла вниз с дивана, и говорил: «Запомни: падать — больно».

И я запомнила.

Когда подросла, отец обучил меня самообороне и сформировал жизненную позицию. «Надо выступать в роли победителя», — говорил он. И я старалась быть победителем. К пятнадцати годам научилась паять, завинчивать болты, менять розетки, варить борщ… — словом, делала кучу больших и маленьких дел. К этому времени отец уже работал в ИТАР-ТАСС и часто уезжал в командировки. Я распоряжалась деньгами, вела немудрёное хозяйство, посещала спортзал, училась в математической школе.

Сколько себя помню, к внешнему виду была безразлична и предпочитала носить джинсы и футболки. Короткие взъерошенные волосы, тощая шея, серые глаза в обрамлении светлых ресниц — мой облик не менялся годами. Я взрослела, однако в девушку в общепринятом смысле этого слова не превращалась. Что удивительно, ни меня, ни отца эта проблема не волновала.

Окончив школу, я поступила в Финансовую академию. В моей жизни, по большому счёту, всё осталось по-прежнему. В ближайшем окружении — ни одной женщины, школьные уроки сменились семинарско-лекционными занятиями, по вечерам — тот же спортзал. Худенькая, взъерошенная, вечно опаздывающая — я была «своим парнем» в институте, «волчком» на татами, «зябликом» дома.

И, тем не менее, мы жили с отцом «душа в душу». Катались на велосипедах, смотрели футбол, играли в шахматы, обсуждали литературные новости. О чём никогда не говорили — моей матери. Разговор на эту тему был пресечён в раннем детстве.

Помнится, был канун 8 марта. Мальчики учили стихи, девочки клеили открытки. Одна из девочек повернулась ко мне и спросила:

— Стась, твоя мама была красивой?

Она сказала «была» неслучайно, в садике знали, у Стаси есть только папа. Я пожала плечами и продолжила вырезать цветок. Однако этот вопрос засел в голове. Придя домой, я взобралась к отцу на колени и спросила:

— Мама была красивой?

Отец вздрогнул.

— Давай договоримся, — осипшим голосом сказал он. — Эту тему мы обсуждать не будем.

Откашлявшись, он добавил:

— Никогда.

— Почему?

— У тебя нет матери.

— Совсем-совсем нет?

— Считай, что так.

Ответ я получила через неделю. Отец отправился в Агентство и оставил меня с Марьей Константиновной — нашей соседкой. Марью Константиновну я называла бабой Маней. Она жила одиноко и собственных детей не имела. Ей нравилось ухаживать за мной и отцом, готовить нам ужин, укладывать меня спать. Думаю, её услуги отец хорошо оплачивал, однако для бабы Мани главным было другое. Войдя в нашу семью, она получила то, что не имела — жизненную мотивацию. Оно и понятно, у бабы Мани появилась «семья», вместе с ней — некий смысл жизни.

— Видела мою маму? — спросила я.

Баба Маня засопела и стала яростно вытирать стол. Я поняла, разговор о матери ей так же неприятен, как и отцу.

— Она была красивой?

— Ишь, куда хватила.

Баба Маня переместилась к плите и тихо выругалась. Затем резко наклонилась и подняла с пола старую игрушку.

— Видишь, эту погремушку? Она красивая?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Баба Маня швырнула погремушку в угол и подняла меня на руки.

— Слава Богу, ты на неё не похожа. Папина дочка.

Очутилась на полу, и баба Маня добавила:

— Твоя мать похожа на погремушку. Такая же яркая, громогласная и пустая.

Широко перекрестившись, баба Маня пробормотала:

— Господи, прости мою душу грешную.

Мне было трудно понять, почему нянька просила у Господа прощение, однако образ матери, нарисованный бабой Маней, засел навсегда.

Мать — погремушка. Яркая и пустая.

Много раз возвращалась к этим словам, и интереса к судьбе матери больше не ощущала. Выбросив мать из сердца, я даже не знала, как её зовут. Согласитесь, странно. Женщина, давшая жизнь, к моей последующей судьбе не имела никакого отношения.

***

Баба Маня умерла, когда мне было двенадцать лет, и вместе с ней ушло моё детство. После похорон отец уехал на два дня в командировку, и я осталась одна одинёшенька.

— Ничего, справишься, — прощаясь, сказал отец. — Если будут проблемы, звони.

Он посмотрел на дверь, за которой жила баба Маня, и добавил:

— В Марье Константиновне жила нерастраченная любовь.

Что он имел в виду? Может, одиночество бабы Мани было сродни его одиночеству? Но ведь у отца была я. Или и у него — нерастраченная любовь? Наверняка, у отца были женщины. Не могло не быть. Однако я о них никогда не слышала. Более того, даже не помню, чтобы женщины приходили или звонили в наш дом. Конечно, отцу было нелегко, но мне казалось, именно я составляю смысл его жизни.

Или нет?

Может, смыслом жизни была работа — очерки, репортажи, поездки? Кто знает. Ясно одно: отцу было так же одиноко, как и мне, и так же не хватало нежности, внимания, женской ласки.

Последние годы мы с отцом виделись редко. Он работал специальным корреспондентом ИТАР-ТАСС, и большую часть времени жил в Европе. В отсутствие отца я окончила институт, нашла работу, стала женщиной. Хорошее образование позволило устроиться в крупный холдинг, и вот уже полгода как я трудилась в одном из его финансовых подразделений. С точки зрения здравомыслящего человека это было завидное место. Хорошая зарплата, социальный пакет, перспектива роста.

Однако к категории здравомыслящих людей я не относилась. Тут не поспоришь. На данном этапе было очевидно — в выборе профессии я сделала ошибку. Темперамент холерика мешал сидеть на одном месте, прямолинейность, воспитанная отцом, вызывала конфликты. Я получала радость только в спортивной школе. Я оказалась у истоков чанбары, и, бросив самбо, увлеклась новым видом борьбы. Руководитель спортшколы предложил работу по совместительству, и после рабочего дня я садилась в новенький «Форд Фокус» и летела на тренировку.

«Чанбара, чанбара!»

***

Воспоминания улетели. Ночной бриз освежил лицо, и послышался плеск волн. Что-то подобное я уже слышала. Волна подхватила меня и, баюкая, понесла в море. Звёзды над головой, шёпот волн, покой. На берегу остались отец, баба Маня, Граф…

— Пор-ра, — услышала я.

— Не хочу. Мне хорошо. Волны, море…

— Пор-ра! Порррра!

Я открыла глаза и посмотрела на клетку. Из-под покрывала выглядывал клюв.

— Пор-ра, — крикнул Кеша.

Ясно. Надо вставать. Утро.

Глава 3

Отработав восемь часов, я вскочила в машину и поехала в спортшколу. Желание унестись от мыслей было так велико, что я до боли сжимала руль и жала на стартер. Хотелось взять меч и нанести удар. Я сделала выпад, и машина вылетела на тротуар.

— Чёрт.

Страх охладил голову, и оставшуюся дорогу я ехала на минимальной скорости. Припарковавшись, вошла в спортклуб. На пороге тренерской комнаты стоял Сашка Бобков. Раздобревший, с большими проплешинами на голове, с наметившимся животом — он казался значительно старше своего возраста.

— Привет, Стась.

— Привет. Всё толстеешь?

— Не говори.

— Извини за банальность, есть надо меньше. И пить, — сказала я, поглядев на бутылки, пылившиеся в углу комнаты.

— Так я ж не пью.

— А это из-под чего?

— Из-под пива.

— То-то и оно.

Причём тут «то-то и оно», Сашка не понял. Он недоумённо пожал плечами и убрал бутылки подальше.

«Хороший мужик, но туповат», — доставая форму, подумала я.

Мысль, скорей всего, была желчной, поэтому несправедливой. Именно Сашка заставил руководство спортклуба открыть новую секцию, именно он увлёк чанбарой не только меня, но и пару самбистов со вторым даном.

Помню, как, показав приёмы новой борьбы, Сашка сказал:

— Спочан — это Путь.

— Почему спочан? — спросила я.

— Ты говорил о чанбаре.

— Одно и то же. Спорт чанбара, сокращённо — спочан.

Сашка посмотрел мне в глаза и добавил:

— Спочан — это Путь открытия мира в себе и себя в Мире.

«Нормально. Бобков и философия».

— Сам придумал?

— Нет. Танабэ Тэцундо.

В то время имя Тэцундо было у нас неизвестно. Да и откуда? Спочан в России недавно — несколько секций, и только.

Однако высказывание мне понравилось.

«Путь открытия мира в себе и себя в Мире».

Кто знает, не процитируй Тэцундо, бросила бы я самбо?

***

Я сняла куртку и расстегнула молнию на джинсах. Бобков по-прежнему стоял в дверях и, похоже, не собирался уходить.

— Слушай, Саш, мне надо переодеться.

— Переодевайся. Я что — мешаю? — с недоумением спросил он.

— Мешаешь. Я всё же — женщина.

— Да брось, Стася. Какая ты женщина?

Бобков хмыкнул, и на его толстой физиономии появилась улыбка. Моя нога зависла над брючиной, и я вопросительно посмотрела на Сашку.

— Надо же, женщина, — пробормотал он и, не закрыв дверь, пошёл прочь.

«Они что, сговорились?»

— Забыл сказать, — толстая физиономия Бобкова вновь появилась в дверях. — В группе — новенькая.

— С какой стати?

— Да так, — Сашка хитро прищурился. — Важный кадр.

— Не поняла.

— Дочь нашего спонсора. Так что приласкай, приголубь…

— Менеджер фигов.

Я натянула спортивные брюки и, пригладив вихры, степенно вошла в зал. Именно степенно. Не потому, что выступала в роли тренера — потому, что спочан — искусство, а к встрече с искусством надо подходить с пиететом.

Трое мальчишек в возрасте одиннадцати — тринадцати лет бегали по ковру. Увидев меня, они резко остановились.

— Привет, бойцы.

— Привет, Стась!

— Где остальные?

— Кто где, — ответил Юрик.

В группе он был старшим, поэтому считался лидером. После меня, конечно.

— Олеся с Танькой уехали на экскурсию, Стас болеет, Андрюха с братом — в Египте, Глеб руку сломал.

Акрам выпалил новости и облокотился на меч.

— Не поняла. Почему экскурсии, почему Египет?

— Начались каникулы.

— Ясно.

Я уже забыла, что есть каникулы. На дворе — ноябрь, значит, окончилась первая четверть.

— Стась, познакомься. У нас — новенькая.

Юрка кивнул в угол зала, где на скамейке сидела худенькая девочка. На вид ей было около двенадцати.

— Стася, — подойдя к скамейке, представилась я.

— Милана Корольчук, — прошептала девочка. — Можно Лана.

Мальчишки стояли рядом. На бледном лице девочки появились пятна.

— Как ваше полное имя? — спросила она.

— Моё?

От удивления я рассмеялась. «Странно. По имени-отчеству меня никто не зовёт. Впрочем, как ей угодно».

Выпрямив плечи и спрятав улыбку, я официально представилась:

— Станислава Эдуардовна Чубрик.

— Чубрик! — воскликнул Акрам и запрыгал по залу.

— Чубрик! — устремляясь вдогонку, заверещали Юрка и Лёшик.

— Смешно? — глядя на скачущих ребят, спросила я.

Похоже, мою фамилию они слышали впервые.

— Нормальная фамилия, — сказала Лана, и в её глазах мелькнули весёлые искры.

— И всё-таки, зови меня Стася. Договорились?

— Попробую.

— И хорошо.

Встав в центре зала, я крикнула:

— Всем на ковёр.

— Будем драться? — остановившись, спросил Лёшик.

В группе он был самым маленьким.

— Будем бороться, — улыбнулась я.

Лёшик кивнул и встал рядом со мной. Круглый овал лица, длинные волнистые волосы, пушистые ресницы — не мальчик, а девочка-милашка. Такое же мнение было у его школьных приятелей. Чтобы противостоять насмешкам, Лёшик и пришёл в секцию.

Юрка вышел на середину ковра и уставился на меня.

— Трое против одного? — спросил он.

— Сегодня у нас — рансэн. Четверо против одного. Вы будете бороться со мной.

— Ты победишь.

— Не факт. Я знаю случай, когда группа мальчишек победила чемпиона мира.

— Ничего себе!

— Главное — команда. Один за всех, четверо — против одного.

— Как-то некрасиво звучит, — заметила Лана.

— Нормально.

Мальчишки уже надевали маски.

— Я же ничего не умею, — прошептала девочка.

— Научишься. В спочане нет ничего сложного.

Я помогла надеть Лане маску и вложила в руку короткий меч.

— Главная задача — нанести сопернику удар.

— Будет больно.

— Кому? — не поняла я.

— Сопернику.

— А вот и нет. Мечи здесь — особые. У них внутри — сжатый воздух.

Я взяла меч и ударила им по ноге девочки.

— Больно?

— Нет.

— Видишь. А если ударить посильнее, услышишь громкий звук — примерно такой, как от удара надутым шариком. Послушай.

Подозвав Акрама, я сделала резкий выпад и нанесла ему в грудь удар. Громоподобное эхо разнеслось по залу. Лана вздрогнула и с ужасом посмотрела на мальчика. Акрам высоко подпрыгнул и нанёс ответный удар. Хлопок, новое эхо и смех.

— От спочана получаешь ни с чем не сравнимое удовольствие, — продолжила я. — Здесь и самурайский дух, и рыцарство, и борьба. Смотрела «Последний самурай» с Томом Крузом?

Лана кивнула.

— А теперь — в бой.

Все встали в исходную позицию. Я — в центре, вокруг меня — Юрка, Акрам, Лёшик, чуть в стороне — Лана. Для хрупкой фигуры девочки меч-кодати был великоват, однако, поглядев на ребят, Лана встала в нужную стойку.

— Рэй! Поклон, — крикнула я.

Все поклонились.

— Камаэ то! Меч — в позицию.

Мальчишки подняли мечи и приготовились. Лана повторила движение. Поединок начался, и мальчишки, крутясь вокруг меня, пытались нанести удар.

— Утэ! Утэ, — командовала я. — Бей! Бей!

— Цкэ! Коли!

Резкое движение запястья. Вперёд.

В мои планы не входило наносить удары, поэтому я защищалась и одновременно управляла поединком.

— Бей! Коли.

Юрка, Акрам, Лёшик делали выпады и старались атаковать. Хорошая реакция и опыт позволяли мне видеть начинающуюся атаку, однако бой был напряжённым. Напор ребят был так силён, что желание командовать у меня пропало. И вдруг я почувствовала удар по руке. Затем услышала хлопок и крик:

— Достала! Ты её достала!

Бой прекратился, и, скомандовав: «Осамэ то! Меч в ножны», я сняла маску.

— Рэй! Поклон.

— Стась, тебя Лана ударила, — наскоро поклонившись, воскликнул Лёшик. — Сам видел.

— Милана — молодец.

— Она атаковала не по правилам, — тяжело дыша, заметил Акрам. — Подбежала и ударила. — К слову сказать, весь бой шёл не по правилам. Видимо, до рансэна вы ещё не доросли.

Я направилась к скамейке, ребята потянулись за мной.

— Садитесь. Попробуем разобрать поединок.

Мы с Ланой уселись рядом, мальчишки расположились на полу.

— Во-первых, забыли про дыхание. Порой мне казалось, рядом — не борцы, а запыхавшиеся бегуны.

Я посмотрела на притихших ребят и спросила:

— Помните о Ки-ай?

— Самоободряющий клич, — за всех ответил Юрка.

— Именно. При крике вы глубоко вдыхаете, и лёгкие наполняются кислородом. Если же начать атаку в этот момент, может получиться сильный удар.

— Понятно.

— Во-вторых, тратите много сил на перемещение по площадке.

Я сделала паузу и продолжила:

— В-третьих, когда намереваетесь атаковать — а насколько я помню, вы только этим и занимались — надо учитывать возможность контратаки. Хорошо, что у меня была пассивная тактика. А если наоборот? Голова не защищена, живот открыт. Одно движение, и бой закончен.

Ребята уже отдышались и внимательно слушали.

— Не буду разбирать атаку Ланы, скажу одно — у Ланы получился редкий удар. Случайно. Он называется ути-готэ. Если его нанести правильно, будет победа.

Я улыбнулась девочке и обняла её худые плечи.

— Так что с удачным почином. Из тебя выйдет хороший боец.

От похвалы Лана смутилась и тихо сказала:

— Сама не знаю, как получилось.

Оставшуюся часть занятий мы отрабатывали ритмику удара и учились искусству микири, то есть — самообороны. Всё это время Лана внимательно следила за моими движениями и пыталась их повторять. Её лицо раскраснелось, и к концу занятий она удивительно похорошела.

— На сегодня хватит. Мечи и маски — на место, жду вас в тренерской.

— Зачем? — удивлённо спросил Лёшик.

— Будем пить чай с тортом.

— Ура! — закричали ребята.

Спустя некоторое время мы сидели вокруг стола Сашки Бобкова и пили чай. Перед каждым из нас стояла тарелка с внушительным куском торта, и, думаю, все присутствующие испытывали глубокое удовлетворение. Борьба, азарт, самоутверждение — что может быть лучше?

— Стась, а самураев больше нет?

Лёшика, как всегда, потянуло на «умные» разговоры.

— Сто лет, как нет, — не дав ответить, вмешался Юрка.

Он уже съел свой кусок торта и общипывал остатки, лежащие в коробке.

— Почему же о них говорят?

— Самураи — это символ, — неожиданно ответила Лана.

Похоже, девочка освоилась.

— Не понял. Символ? — удивлённо спросил Акрам.

Его чёрные глаза уставились на Лану и заблестели.

— Мужественности и стойкости, — ответила она. — Мне так папа сказал.

Лана покраснела вновь. Я поставила чашку и с наслаждением откинулась в кресле. Приятная усталость наполняла каждую клетку тела, и хотелось молчать. Однако у ребят было другое настроение.

— Да перестань. Нашла символ, — воскликнул Юрка.

Он доел торт и, дабы произвести впечатление, решил повыпендриваться.

— Самураи — обыкновенные воины.

— Скажешь тоже.

Лёшик от возмущения даже встал.

— «Семь самураев» смотрел?

— Смотрел. Ну, и что?

— Стась, скажи.

Лёшик умоляюще посмотрел на меня.

— У самураев была заповедь, — не обращая внимания на Юрку, вмешалась в разговор Лана. — «Твой отец и мать подобны Небу и Земле. Твой господин и учитель подобны Солнцу и Луне».

«Ай, да девочка. Не такая уж маленькая. И пришла сюда не случайно», — подумала я.

Мальчишки с уважением посмотрели на Лану. А Юрка даже перестал облизывать пальцы. Моя дрёма улетела, и захотелось поболтать.

— Правильно. Почитание родителей у самураев воспитывалось с детства. Однако главное — не это. Самурай — боец.

Я оживилась и, сев на край кресла, наклонилась к ребятам.

— Хотите одну историю?

— Спрашиваешь.

Ребята оживились.

— Когда была маленькой, отец рассказывал о мальчике, жившем в Японии пятьсот лет назад.

Сделав паузу, я решила приоткрыть завесу над моей личной жизнью.

— По образованию мой отец — историк. Он меня воспитывал один.

Ребята понимающе кивнули.

— Мальчик, о котором рассказывал отец, имел мечту — вырасти и получить право ношения двух мечей.

— Зачем?

— Два меча могли носить только самураи, — важно сказал Юрка.

— Правильно.

— А что дальше?

Акрам нетерпеливо заёрзал.

— Несмотря на то, что мальчик рос в богатой семье, он круглый год ходил босиком и в тонкой рубашке. Представляете? Зимой — и в рубашке. Ему не рассказывали страшных историй, не пугали нечистой силой. Главная задача его родителей была такой: вырастить храброго бойца. Они считали, если в ребёнке появится страх, его след останется до могилы.

— Здорово.

— И я так думаю. Тот мальчик ничего не боялся: ни одиночества, ни темноты, ни диких зверей. Целыми днями он упражнялся с копьём, фехтовал, работал с мечом.

— Подумаешь. Мы тоже тренируемся, — заметил Юрка.

— Тренироваться в спортшколе — совсем другое дело. А представь себе лес, наполненный зловещими звуками, горящие глаза зверей, змею, затаившуюся в папоротнике. И среди всего этого — ты. Совсем один. Разве не страшно?

— Ночью всегда страшно, — заметил Лёшик.

— Верно. Услышав эту историю, я решила походить на мальчика-самурая. Надеюсь, понимаете?

Ребята дружно кивнули.

— Этот маленький самурай шёл к своей цели, и я понимала: он добьётся всего, чего захочет.

— А потом? — не удержался Лёшик.

Видимо, отвлечённые рассуждения его утомляли — хотелось динамики, действий.

— Потом он вырос и, побрив лоб, получил два меча. Длинный и короткий.

— А дальше стал самураем и пошёл убивать людей, — добавил Юрка.

— Скорее всего, так.

— И сделал себе харакири? — не унимался Лёшик.

— Не знаю. Если потерял лицо, значит, сделал.

— Не понял. Что значит «потерял лицо»?

— Означало, воин опозорен.

В голове застучало: «Опозорен, опозорен…». Вздохнув, я добавила:

— Вспорол себе живот и обнажил перед миром душу.

— Дикость какая, — сверкнув глазами, воскликнул Акрам.

В тренерскую ввалился Бобков.

— Ба! Оказывается, у нас гости, — воскликнул он и тут же добавил: — Пируете?

— Вроде того.

— По какому случаю?

— Отмечаем знакомство.

Я выразительно посмотрела на Лану. По-видимому, в голове Бобкова начался мучительный мыслительный процесс.

— Откуда торт?

— С собой привезла.

— Выходит, знала, что у нас — новенькая? — с изумлением спросил Сашка.

Я неопределённо пожала плечами и встала. За мной поднялись остальные.

— Забыл сказать. Тебя, Миланочка, ждёт шофёр.

Бобков улыбнулся, и от избытка чувств его щёки разъехались в разные стороны.

— До свидания, Стась, — сказали ребята и потянулись к выходу.

— Пока.

Лана подошла ко мне и тихо сказала:

— Меня тоже воспитывает отец.

***

— Ну, Стаська, ты и педагог. Как шёлковые все.

Бобков подошёл к столу и, проведя пальцем по пустой коробке, вздохнул.

— Хоть бы мне кусочек оставили.

— Перебьёшься.

— Ну, и не надо. Я не люблю сладкое.

— Рада слышать.

Непонятно почему, но Сашка меня раздражал. Не всегда, конечно, — именно сегодня. Он это чувствовал, но оставить в покое было слабо.

— Как тренировка?

— Нормально.

Не надеясь, что Бобков уйдёт, я начала переодеваться. Он уселся за стол и с интересом наблюдал за моими манипуляциями.

— Худая ты очень. Тебе бы немного того…

Сашка приложил лапищи к своей груди. Видимо, решил показать, что в этом месте у меня — дефицит. Да что там дефицит. Нет ничего.

Я застегнула куртку и, взяв сумку, подошла к двери.

— Слушай, Бобков, пошёл ты со своими советами. Я же не говорю, что у тебя волосы растут из ушей.

— Правда?

— Посмотри в зеркало.

— По-моему, ты — не в настроении.

— Проблемы.

— Ладно, не сердись. Привет Графу.

— Сам передавай.

Глава 4

Воспоминания улетели, их место заняла тоска.

Хотелось высунуться в окно и крикнуть:

— Слышите. Я — как все. Пусть худая, некрасивая, но женщина. Нормальная женщина.

«Ори, не ори, ничего не докажешь, — пронеслась мысль. — Сама виновата».

Ну, уж нет. Разве я не ухаживала за Графом? Холила, ласкала, пыталась его понять. А он, паразит, видел лишь монитор.

«Настоящую женщину не пропустил бы», — язвительно заметила мысль.

А я что — ненастоящая?

«Нежная, уютная, домовитая… Это — ты?»

Нет, конечно. Ни нежная, ни уютная, ни домовитая. Острые углы и куча комплексов.

«То-то и оно».

Я включила компьютер и, выйдя в интернет, набрала: «Стать настоящей женщиной». Поисковик включился в работу и выдал вариант: «Тренинг „Как стать настоящей женщиной за два дня“». Класс. То, что мне нужно.

Просмотрев рекламу, я удовлетворённо вздохнула и записала телефон. Спустя несколько дней я сидела в холле небольшой московской гостиницы. Помимо меня, тренинга ждали двадцать женщин. Судя по лицам, все надеялись на чудесное превращение.

В холл вышел старик. Вежливо поздоровавшись, он открыл дверь и пригласил собравшихся в зал. Стены зала были украшены зеркалами, в центре — вытертый палас. Больше ничего. Нам предложили сесть на пол, и, слившись с паласом, я успокоилась.

Старик покосился на меня и сказал:

— Вас объединяет цель — стать настоящей женщиной.

Женщины встрепенулись.

— Начнём с задания. Загадайте желание и произнесите его вслух.

Меня окатил жар. Озвучивать желание? Ну, уж нет. Это в мои планы не входит.

— Например, вы, девушка. Как ваше имя?

Старик подошёл ко мне и, присев на корточки, заглянул в глаза.

— Стася, — пролепетала я.

— Итак, ваше заветное желание?..

— Стать успешной в бизнесе.

Старик повернулся к женщине, сидящей рядом.

— Хочу быть любимой, — улыбнулась она.

Чёрные как смоль волосы упали вниз, и, проводив их завистливым взглядом, я подумала: «Кто же не хочет».

Старик обошёл остальных и, выслушав все ответы, сказал:

— Пройден самый трудный этап. Высказать вслух желание — уже полдела. Теперь будем искать истину. Попробуйте ответить на вопрос: «Кого нельзя отнести к женскому идеалу?»

— Рабочих лошадок.

— Пьющих.

— Гулящих…

Женщины раскрепостились и стали играть в предложенную игру. У меня мнения не было, поэтому я слушала других и грызла заусенцы.

— Спасибо. Позвольте мне сделать вывод.

Старик встал посреди зала.

— Итак, к настоящим женщинам нельзя отнести тех, кто берёт на себя мужские обязанности, то есть финансирует семью, водит машину, организует отдых, ремонт. К ним не при-

надлежат и те, кто перекладывает работу на прислугу. Идеалом нельзя назвать тех женщин, кто не умеет пришить пуговицу, самостоятельно сделать маникюр, уложить волосы.

Старик сделал паузу.

— Кто же тогда идеал?

Участницы тренинга молчали.

— Попробую ответить. Настоящая женщина — та, которой хватает сил оставаться женщиной.

Старик взглянул в мою сторону и добавил:

— Несмотря ни на что.

Я оторвалась от заусенца и покраснела.

— Приступим к практическим занятиям.

Из соседней комнаты вышли ассистенты. Они достали платки и, завязав нам глаза, исчезли. Зал погрузился в тишину. Лёгкое прикосновение заставило меня вздрогнуть, и около губ появилось нечто душистое. Я доверчиво открыла рот и поняла — спелая груша.

— Хорошо, Стася, хорошо.

Тёплое дыхание коснулось щеки и тут же погасло.

— Ты открыта, доверчива…

Я сорвала платок. Рядом сидела женщина с длинными волосами — больше никого.

— Теперь погрузитесь в себя и включите воображение, — послышался голос старика. — На вашей макушке уголёк. Сделаем вдох — выдох, вдох — выдох. На вдохе уголёк разгорается, на выдохе тухнет. Вы подхватываете уголёк и перекатываете его вниз. Вдох, он — на груди, выдох — на животе.

Я мысленно перекатывала красно-чёрную точку и чувствовала тепло. Оно проникало в голову, грудь, живот…

— Опустили уголёк ниже, — последовала команда. — Разжигаем его. Больше, больше. Дышим глубоко, на каждом вздохе уголёк становится горячей, горячей… Он превращается в костёр, и вот уже низ живота охватило пламя. Вы сжимаете мышцы, и пламя становится больше.

Жар обвалился на меня, как текущая лава. Я чувствовала, что в теле появился пульсар. Он испускал мощные энергетические волны. Волны двигались вниз, будили грудь, живот, губы. Мне даже показалось, пульсар испускал звуки — низкие, призывные, будоражащие. Наверное, в весенний гон так трубят самцы.

— Множество энергий окружили костёр. Они носятся вокруг него и пытаются опуститься. Вы дышите грудью. Теперь горлом. Носом. Дыхание поверхностное, частое. Вы пытаетесь ослабить жар…

Я погрузилась в себя и часто задышала.

— Нельзя допустить, чтобы эти энергии сгорели. Они — ваши друзья. Вы собираете их, лелеете, несёте в свой храм.

Прерывистое дыхание затихло, и я почувствовала, что вернулась на Землю.

— Не надо стесняться. В вас просыпается женщина, и это прекрасно.

Голос старика звучал из каждого угла.

— Вы поддерживаете огонь, и настанет минута, когда вы возродитесь.

Старик вышел в центр и посмотрел на раскрасневшиеся лица женщин.

— Думаю, на сегодня достаточно. Ваша память впитала новые ощущения, и в нужное время их вернёт. Помните — уголёк, зажжённый сегодня, не должен затухнуть. На кухне, в метро, в ванной … — словом, везде, где только можно, вы должны дать ему силу и жизнь. Вдох — выдох, вдох — выдох. Работают мышцы живота, ягодиц, промежности. И так всегда.

Старик сверкнул огненным взглядом и добавил:

— Конечно, при условии, что хотите стать женщиной.

Дав домашнее задание, он отпустил нас до следующей субботы.

Я возвращалась домой и несла «уголёк». Порой казалось, что на холодном ветру он остывает. Тогда я останавливалась и, делая вдохи-выдохи, двигала задом. Доехав до парфюмерного магазина, я выполнила часть домашнего задания — приобрела морскую соль и ароматическое масло.

Вечером я улеглась в ванную и, вдыхая незнакомые ароматы, стала рассматривать своё тело. Время от времени масляные плёнки касались кожи, и она покрывалась красными пятнами. Невыносимый зуд мешал мне расслабиться и, пролежав пять минут в воде, я выскочила из ванной. Кожа горела, огонь полыхал не внутри, а снаружи.

Обмотавшись полотенцем, я забегала по комнате.

Посмотрев на меня, Кеша крикнул:

— Др-р-рянь!

— Ещё какая, — отозвалась я.

Раздевшись догола, я подошла к зеркалу. Чуть наметившаяся грудь, узкие бёдра, торчащие ключицы. Типичный подросток. Я шмыгнула носом и погрузилась в халат. Лучше бы не раздевалась.

Сев за компьютер, я приступила к следующей части домашнего задания. Оно называлось так: «Письмо моему телу».

«Моё тело — щуплое, беззащитное, покрытое мелкими пупырышками, — немного подумав, написала я. — Ну и что? Зато преданное, изящное, трепетное. Ему не надо диет, специальных упражнений. Плоский живот, стройные ноги…».

Встряхнув головой, я решительно продолжила: «Вёрткое, ловкое, подвижное. Тело, похожее на узкую стрелу, выпущенную из лука».

А ведь неплохо получилось.

— Кеша, готов!

— Подожди. Сейчас допишу, и…

— Ср-р-разу! Кеша ср-р-разу.

— Пристал.

Я открыла клетку, попугай сел мне на плечо, и мы направились в ванную. Помыв Кеше лапки, я опять села за компьютер.

«Ответ моего тела».

Рука зависла над клавиатурой, и пальцы выбили: «Стася — …»

Больше ничего. Моему телу нечего было сказать.

«Ну, и ладно. Всё равно проверять не будут».

Так или иначе, но задание было выполнено. Осталось купить обновки и сделать макияж.

В субботу, подведя глаза и надев джинсовую юбку, я отправилась на тренинг. Глаза старика полыхнули огнём. Или показалось?

— Здравствуйте, Стася. Вас не узнать.

Я одёрнула юбку и, пытаясь удержаться на каблуках, проследовала в зал. Там уже стояли нарядные женщины. Знакомые ассистенты вышли из соседней комнаты, в их руках — разноцветные платки. Верхний свет был выключен, лишь небольшие бра освещали углы зала.

— Внутри вас остатки энергий, — выйдя на середину зала, сказал старик. — Это — балласт, прошлое, мусор. Постарайтесь от них освободиться.

Он сделал знак, и женщинам завязали глаза.

— Один из способов — танцы. Не удивляйтесь. Всего лишь танцы.

Музыка пробежала по залу, и старческие руки обхватили мою талию.

— Женщина должна двигаться, — услышала я. — Двигаться легко и непринуждённо. Ноги слегка касаются пола, отработанные энергии перемещаются в кончики пальцев и… посте-

пенно уходят в землю. Лёгкость, бесконечная лёгкость опускается на плечи. Женщина кружит по залу, не думая ни о чём. Ни о чём.

Руки, обвивавшие мою талию, разжались, и я поплыла по залу. Музыка и я — больше ничего. Ступни ног, приподнятые каблуком, слегка касались паласа, и казалось, я — мотылёк, парящий над лугом.

— Теперь вы должны расслабиться. Представьте себя птицей, снежинкой, рекой. А, может быть, зелёным листом. Важно включить воображение. Фантазия разбудит в вас сокровенное, и тогда женское естество поднимется из глубины и преобразит вас. Да-да, преобразит. Вы полюбите себя, а, полюбив, станете неотразимой.

Чья-то рука остановила мои порхания, и я почувствовала мужское дыхание. Оно было наполнено терпкими, пряными запахами. От незнакомца веяло страстью, желанием, истомой.

— Какая же ты хорошенькая, — услышала я.

Уголёк, лежавший в груди, рухнул вниз и превратился в протуберанец.

— Маленькая. Нежная.

Низкий грудной голос прошелестел около уха, и лёгкий поцелуй коснулся щеки. Губы незнакомца были мягкими, как перо. Поцелуи покрывали мои глаза, шею, волосы… Над лугом, где летал мотылёк, уже парили две птицы, и жаркие потоки воздуха поднимали их вверх.

Я была счастлива. Точнее, так — в эти минуты была счастлива. Наверное, тогда я и решила: стану не просто настоящей, но и желанной женщиной. До дрожи в коленках хотелось быть рядом с голосом, шептавшим слова, от которых сжималось сердце и сосало под ложечкой. Музыка пропала, вместе с ней пропал незнакомец. А был ли он? Я дотронулась до щеки, и след поцелуя был ответом.

В зал внесли журнальный столик и кресла. Мы расселись в кружок, и старик заговорил. Он призывал нас любить, баловать, жалеть себя. Учил медитировать. Рассказывал о Космосе, любви, приоткрывал завесу над женскими секретами. Я слушала, и нет. В памяти звучали слова, которых прежде мне никто не говорил. Растерянно озираясь, я пыталась найти кудесника, разбудившего душу.

Однако всё было тщетно. Закрытые двери, старый палас, в центре зала — участницы тренинга.

— Любите себя, и вас полюбят другие, — говорил старик. — Женщина, не думающая о себе, не интересна другим.

Тренинг закончился. На выходе из зала старик взял меня за руку и, посмотрев на ладонь, спросил:

— Как вы относитесь к борьбе?

— Нормально. Я занимаюсь спочаном.

— Что-то новенькое?

— Борьба с воздушными мечами.

— Вы победите.

Он кивнул головой и добавил:

— Однако не сразу. Сначала будут удары, много ударов.

Ну, вот. Лучше бы не говорил. Значит, в перспективе — новая борьба и новые рубежи. И так бесконечно.

Глава 5

В воскресенье я пребывала в эйфории. Не знаю, от чего больше — то ли от старика с его недюжинной силой внушения, то ли от грудного голоса, шептавшего мне нежные слова. Так или иначе, чувствовались большие перемены. В груди, животе и, стыдно сказать, между ног жарко пульсировала кровь. Губы, ожидая поцелуя, казалось, вывернулись наизнанку. Сердце трепыхалось, дыхание перехватывало, глаза пожирали каждого проходящего мужчину.

По всей вероятности, в таком состоянии женщину надо держать под присмотром — как бы не наломала дров. За мной же присматривать некому. И я понеслась. Сначала — в парикмахерскую, где умотала всех, кого могла умотать, затем — в магазины. Женское бельё, парфюмерия, модельная обувь…

«Боже, какое разнообразие — я и не знала!»

К вечеру вернулась домой и, бросив сумки, плюхнулась в кресло.

— Ну, как? — спросила я Кешу.

— Крра-ссо-т-та! — неожиданно крикнул он.

Ну и ну. Раньше этого слова Кеша не говорил. Видимо, изменения, произошедшие во мне, дали мощный толчок к его словотворчеству.

— Ах, ты мой хороший! — радостно воскликнула я. — Спасибо за комплимент.

Я встала и, погладив голову Кеши, подошла к зеркалу. В нём отражалась стильная особа. Мелированные волосы, подчёркнутые помадой пухлые губы, бледный румянец на щеках. Аккуратно, неброско и, в то же время, — эффектно. Однако это было декорацией второго плана. На авансцене сияли глаза. Большие, с лихорадочным блеском, обрамлённые длинными ресницами, — они навевали мысли о страсти.

— Ничего себе, — прошептала я.

Дотронувшись до глаз, я застыла в недоумении. Ресницы, покрытые тушью, изменили мой взгляд. В нём появились призыв, томность и недвусмысленное обещание.

— Эту метаморфозу надо заесть, — пробормотала я и отправилась на кухню.

Сделав бутерброды и заварив чай, я вернулась в комнату и подошла к клетке. Внутреннее возбуждение забурунивало кровь, и сидеть за столом не было сил.

— Прикинь, Кеш. Стоило подкрасить глаза, надеть новые тряпки, как стала другим человеком. Можно сказать, мгновенное перевоплощение.

Попугай распушил перья и застыл на жёрдочке. Казалось, он демонстрировал свою красоту.

— Ты-то всегда был красавчиком.

Посмотрев в жёлтые глаза Кеши, я вздохнула.

— А я? Сам видишь — блеклая, серая мышь.

Кеша заметался по клетке. Такое сравнение ему не понравилось.

Хотя, что это я?! Попугаи не думают образами, не обладают метафоричным мышлением. К тому же мышей Кеша не видел. Так что понять меня он не в состоянии.

Я открыла клетку и, посадив попугая на руку, поднесла его к зеркалу.

— Посмотри на себя. Яркое оперение, большой клюв, выразительный взгляд.

Кеша засунул голову под крыло и стал копошиться в перьях.

— Можешь не скромничать. Красавец! Природа позаботилась, чтобы тебя заметили. А кто замечает меня?

Попугай выглянул из-под крыла и задумчиво посмотрел мне в глаза.

— Никто.

Я поставила Кешу на стол и заправила под ремень выбившийся пуловер.

— Какой вывод?

— Крра-ссо-т-та! — опять крикнул Кеша.

— Да брось ты. Красоты у меня нет, и не будет. Придётся её наводить.

Я осмотрела обновки. Белые сапоги, узкие брюки, пуловер, стильный ремень. Довольно импозантно. Спасибо специалистам-консультантам. Одели, причесали, накрасили. Можно сказать, изваяли современную женщину. А в серых глазах этой женщины прыгают чертенята.

Я аккуратно поставила сапоги, повесила в шкаф брюки и пробормотала: — Что ни говори, оболочка — мощное оружие.

— Крра-ссо-т-та! — послышалось из большой комнаты.

***

Утро понедельника было пасмурным. Выйдя из подъезда, я попала в объятия ноябрьского ветра. Он закружил меня по грязному и мокрому тротуару, однако настроение не испортил. Я уже не походила на одинокий лист, несущийся в близстоящую помойку. К «Форду» приближалась эффектная женщина в куртке, обтягивающей фигуру, и узких брюках, заправленных в белые сапоги.

— Оп-ля, — воскликнула я, плюхнувшись на холодное сиденье.

Ветер бросил в окно грязные листья и вместе с ними прилип к лобовому стеклу. Бесформенная куча пошевелилась и медленно поползла вниз.

— Старый козёл, — сказала я ветру и, включив акселератор, посмотрела на себя в зеркало.

Собственное отражение мне понравилось, и, улыбнувшись, я нажала на стартер и, выводя машину со стоянки, запела:

— У природы нет плохой погоды. Каждая погода — благодать…

Песню я вспомнила неслучайно. Во мне происходили те же перемены, что в героине фильма «Служебный роман». Разница лишь в том, что в ней они родились под воздействием любви, а во мне — страстного желания стать женщиной.

Когда я вошла в офис, опять появилась картинка фильма «Служебный роман». По мере моего продвижения по комнате головы коллег поворачивались, и вслед неслись возгласы:

— Кто это?

— Не может быть.

— Да брось.

Что и говорить, приятно. Такого эффекта я не ожидала. Подойдя к рабочему столу, я небрежно бросила сумку и сняла новую куртку.

— Привет, Стась. Классно выглядишь.

Лучезарно улыбаясь, ко мне приближалась Вероника — первая красавица нашего отдела. Сердце ёкнуло, и привычная стеснительность стала поднимать голову. Однако продолжающий тлеть уголёк сжёг стеснительность на корню, и, улыбнувшись Веронике, я спросила:

— Штоф пришёл?

— Не поняла. Кто?

Хорошенькое личико вытянулось, и между выщипанными бровями появилась морщинка.

— Феликс Петрович, — кивнув в сторону большой двери, ответила я.

— Какая прелесть, — воскликнула Вероника. — Ты, оказывается, проказница.

Облизнув тонкие губы, Вероника с удовольствием повторила:

— Штоф… А ведь и правда, похож.

Она наклонилась ко мне, и я очутилась в ароматном облаке.

— Пообедаем вместе?

— Договорились.

Дубовая дверь открылась, и на пороге появился Кошотов. Он оглядел сотрудников и повернулся в нашу с Никой сторону. Взгляд маленьких колючих глаз остановился на мне, и Кошотов грозно спросил:

— Почему посторонние в отделе?

— Какие посторонние, Феликс Петрович?

Из кабинета начальника появилась кудрявая голова секретарши. Анна Владимировна уставилась на меня и сказала:

— Да это ж Стася. Станислава Эдуардовна Чубрик. Неудивительно, что вы не узнали. Прямо другой человек.

— Что за манера у этих девиц, — проворчал Штоф. — Меняются до неузнаваемости.

Высокий парень, сидевший к начальнику ближе всех, вскочил с места и протянул папку.

— Бумаги на подпись, — подобострастно сказал он.

— Позже, Стрельцов, позже. Сейчас у меня совещание.

Кошотов направился к выходу. Полное тело, лысая голова, короткая шея — он походил на пузатую бутылку, закупоренную отполированной пробкой.

— Штоф тебя не узнал. Совсем не узнал.

Ника сложила пальцы и выразительно посмотрела на место, где только что стоял Кошотов. Очевидно, на языке жестов это означало высочайшую степень волнения.

— И не мудрено, — ответила я. — Штофу пора на пенсию.

— Только не вздумай сказать это шефу. Раздавит.

То, что Феликс Петрович был крут, в отделе все знали. Штоф походил на средневекового феодала. Однако обширные связи и, как говорится, «толстая записная книжка» стоили дорого, поэтому он не только держался на плаву, но и давал старт старательным «лизоблюдам».

— Надо немного поработать, — сказала я Нике и, сев за стол, включила компьютер.

— Странное желание, — ответила та. — Кто же работает, когда начальник ушёл? Посмотри вокруг.

Я взглянула на экраны ближайших компьютеров. Пасьянс, электронная почта, сайт знакомств, ВКонтакте, Одноклассники… Ника права — как только начальник ушёл, сотрудники отдела расслабились. Странно. Раньше я этого не замечала.

— И что — так всегда?

— Конечно. Главное — уметь создавать видимость.

Ника лукаво улыбнулась и зашагала в дамскую комнату. Остановившись, она обернулась и отправила мне воздушный поцелуй. Я кивнула и, уставившись в компьютер, задумалась.

Наверное, «уметь создавать видимость» и есть формула успеха. А я этого не умею. Скорее мне свойственен другой «талант» — умение создавать проблемы. Вот это моё родное. Скорпионье. Спасибо родителям. Нет, чтобы родить летом — в июне, например. Солнце, цветы, трава, знак зодиака хороший… А то в ноябре. Ни осень и ни зима. Холод, ветер, слякоть. Ко всему прочему, скорпионий характер. Вот «радость».

Я набрала в поисковике «женщина — скорпион» и с интересом углубилась в первую попавшуюся статью.

«Женщина-скорпион — натура чувственная, склонная к излишествам. Она создана для любви и стремится к ней всем существом. Женщина-скорпион хочет, чтобы вы наслаждались так же, как и она. Это — самый сексуальный знак Зодиака».

Прочитав абзац, я взмокла. Уголёк, тлевший в животе, рухнул вниз, и от возбуждения закружилась голова. Заставив себя успокоиться, я глубоко вздохнула, досчитала до десяти и оглянулась. Чухров, сидевший рядом, переводил заказную статью и не обращал на меня никакого внимания.

«Женщина-скорпион эротична, требовательна, целиком руководствуется инстинктом. Ни одна книга не убедит её в том, что секс — всего лишь система упражнений. Она любит заниматься сексом и не скрывает своего возбуждения».

Я почувствовала, что в трусах стало мокро.

«Чёрт. Я же — в обтягивающих брюках».

Резво вскочив, я бросилась к дамской комнате.

— Что-то случилось? — спросила Ника.

Она оторвалась от тонировки лица и с удивлением посмотрела на меня.

— У тебя нет прокладки?

— Есть.

Ника покопалась в сумочке и вытащила розовый пакетик.

— Четыре капли — то, что надо. Спасибо.

Я устремилась в кабинку.

— Сильно протекла? — услышала я.

— Ещё не успела.

Сняв влажные трусы, я бросила их в помойку и прикрепила прокладку прямо к брюкам.

«Хорошо, что встретила Нику, а то хоть караул кричи».

— Ещё раз — спасибо. Я пошла.

— Давай поболтаем.

— Позже.

Меня охватило нетерпение, и, выйдя из туалета, я устремилась к компьютеру. То ли показалось, то ли нет, однако Чухров как-то странно дёрнулся.

«Может, видел статью?» — подумала я.

Чухров невозмутимо копался в словаре.

«Показалось».

Я села за стол и, контролируя свои эмоции, продолжила чтение.

«Женщина-скорпион чётко понимает: эротика — много больше, чем акт любви, поэтому придаёт значение мельчайшим деталям туалета. Вы можете увидеть её в откровенных трусиках, французском лифчике, поясе для подвязок».

«Надо купить», — подумала я.

«Женщина-скорпион может выглядеть как леди, однако в спальне она — настоящая проститутка».

Пробежав глазами следующие абзацы, я поняла: дальнейшее чтение представляет опасность для моего имиджа. Бросив прощальный взгляд на статью, я выхватила последнюю фразу:

«Женщина-скорпион — колдунья. Шестым чувством она узнаёт будущего избранника, и ему ничего не останется, как подчиниться колдовским чарам избранницы».

«Может, Граф — всего лишь первый блин?»

Эта мысль успокоила, и я решила поработать.

«Колдунья, колдунья», — вертелось в голове.

Не знаю почему, но после чтения статьи бодрости стало больше. Видимо, с самооценкой у меня — большие проблемы.

«Любите себя, и вас полюбят другие, — вспомнились слова старика. — Женщина, не думающая о себе, неинтересна другим».

«Люблю себя, — мысленно воскликнула я. — Очень люблю!»

Необходимые слова были сказаны, однако в душе продолжала сидеть прежняя закомплексованность. Что и говорить, мои биологические часы идут с большим отставанием.

Глава 6

Финансовый холдинг, в котором я работала, назывался «АтлРусКлуб» (коротко — АТРК). Он имел сложную организационную структуру. Сюда входили два банка, торговый дом, страховая компания, финансовый институт и прочие подразделения. Основными задачами фирмы являлись финансирование проектов, оказание услуг по организации бизнеса и взаимодействие с международными структурами. Собственного здания у холдинга не было, так как по бизнес-плану, принятому руководством, все свободные средства шли на развитие. В силу этого финансовый институт, к которому относился наш отдел, размещался в верхних этажах торгового центра «Планета».

Отдел планирования персонала с Кошотовым во главе был не чем иным, как современным отделом кадров, поэтому наш начальник напрямую подчинялся заместителю директора института. В силу новейших веяний отдел имел несколько секторов, в одном из которых — секторе информации и контроллинга — я и работала. Мой функционал состоял из подготовки документов на английском, испанском и португальском языках, которые впоследствии подписывались начальством и отсылались партнёрам. В последние годы АТРК вышел на рынки латиноамериканских государств, и потребность в специалистах, знающих романские языки, увеличилась. Думаю, этот фактор и сыграл роль при моём устройстве на работу.

Помнится, на собеседовании я допустила несколько ошибок, и в соответствии с логикой работодателя должна была остаться без вожделенного места. Об этом спустя месяц сказала Ника — Вероника Сергеевна Тасс. Она принимала участие в собеседовании на правах главного специалиста по работе с персоналом.

Первая моя ошибка — опоздание. С моей точки зрения, причина была уважительной: самолёт, летевший из Токио, где проходил чемпионат Азии по чанбаре, вылетел на два часа позже. Предусмотреть такой ход событий я не могла, поэтому ворвалась в кабинет Штофа на полчаса позже назначенного времени. Увидев меня, Кошотов побагровел и, посмотрев в резюме, процедил:

— Выходит, вы, Станислава Эдуардовна, не в состоянии ценить время других.

Доказывать Кошотову, что умею, было бы глупо, поэтому я молча села на свободный стул.

— Наверное, Станислава Эдуардовна не дозвонилась, чтобы предупредить. Нет так ли? — предположила молодая женщина с пышными рыжими волосами.

Впоследствии выяснилось, что помимо работы с персоналом Вероника Сергеевна являлась главным психологом нашего отдела.

— Даже не пыталась, — честно призналась я. — В мобильнике села зарядка, а в самолёте подзарядить телефон я не догадалась.

— Откуда прилетели? — спросила Вероника.

Видимо, пока Кошотов приходил в душевное равновесие, она, по долгу службы, заполняла паузы.

— Из Японии.

— Деловой визит?

— Нет. Была на соревновании.

— Наверное, спортивная гимнастика?

— Не угадали.

— Акробатика?

— Никогда не занималась акробатикой.

— Сдаюсь.

Похоже, специалист по работе с кадрами любила непринуждённую манеру разговора.

— Я занимаюсь борьбой.

— И с кем же вы боретесь?

— Наверное, с тенью, — хмыкнул Кошотов.

Он уже пришёл в себя и, по всей вероятности, решил пошутить.

— Мои занятия спортом к работе не имеют никакого отношения, — сказала я и сделала вторую ошибку.

— Здесь вы заблуждаетесь, — воскликнула Вероника Сергеевна.

— В нашей фирме приветствуют спорт.

Она улыбнулась и добавила:

— От правильного образа жизни зависит не только физическое, но и психическое здоровье сотрудников.

Казалось, Вероника Сергеевна играла «на публику», а именно — на Кошотова.

— Мы даже оплачиваем корпоративные карты в фитнес-клубы, — с гордостью добавил Штоф.

— Расскажите о себе, — попросила Вероника Сергеевна.

— Я всё написала в портфолио: окончила Финансовую Академию, знаю три языка, опыта работы нет.

— И всё-таки. Каковы ваши научные предпочтения, на какую тему писали диплом?

Научных предпочтений не было, поэтому я ответила кратко:

— Тема моего диплома: «Международные стандарты МСФО и их учёт».

Кошотов оживился.

— Кто был вашим научным руководителем? — спросил он.

С большой неохотой я назвала фамилию профессора. Глаза Вероники Сергеевны сузились, и она стала похожа на лисицу.

— Сергей Николаевич?

Кошотов откинулся в кресле, и толстые губы изобразили подобие улыбки.

— Верно.

— Мы с ним встречались. Даже работали вместе. Как говорится: «Мир тесен».

Не знаю, тесен ли мир вообще и в частности, однако впоследствии не раз убеждалась: пути Кошотова пересекались исключительно с руководящим составом российских и зарубежных структур.

— Не могли бы принести рекомендации от вашего руководителя? — спросила Вероника Сергеевна.

— Не могу, — ответила я и покраснела.

— И не надо, — вмешался Кошотов.

— Я ему сам позвоню.

Мои щёки запылали, как раскалённая жаровня, и я выпалила:

— Сергей Николаевич — старый развратник.

— Вот как?!

В маленьких глазах шефа блеснуло неподдельное любопытство. Вероника Сергеевна поморщилась и потянулась к сумочке. Достав носовой платок, она интеллигентно высморкалась и, извинившись, продолжила разговор.

— По всей вероятности, диплом вы дописывали с другим руководителем?

— Меня курировала аспирантка факультета международной экономики.

— Легко ли вам даётся изучение иностранных языков?

«Слава Богу, переключились на другую тему!»

— У меня с детства — способности к языкам.

— А кто по специальности ваши родители?

— Отец — журналист-международник, матери у меня нет.

— Ваш отец — журналист?

— Да, он работает в ИТАР-ТАСС.

— Любопытно, — сказал Кошотов и что-то пометил в блокноте.

Далее разговор касался образования и ничего интересного не представлял. Наконец, было сказано, что я свободна. Подхватив сумку, я вскочила со стула и устремилась к двери.

Ни «до свидания», ни «спасибо за внимание». Меня интересовало одно: где туалет? Вот уже час, как мною одолевало простое человеческое желание — облегчиться.

— Вам позвонят, — услышала я.

«Не примут, — думала я по пути к туалету. — Ни за что не примут».

Однако я ошибалась. Спустя два дня мне позвонила секретарша Кошотова и радостно прочирикала:

— Станислава Эдуардовна?

— Да.

— Спешу обрадовать. Вы успешно прошли собеседование и можете приехать для оформления на работу.

***

— Ну что, пошли обедать?

Ника подошла к столу и бросила взгляд на экран компьютера.

— «Требования к руководителю службы персоналом», — прочитала она. — Зачем тебе это?

— Случайно наткнулась.

Желая закрыть страницу, я потянулась к «мышке».

— Подожди. Интересно.

Ника села на свободный стул и стала читать:

— «Руководитель службы персоналом должен иметь высшее образование в области менеджмента, дополнительную психологическую подготовку, опыт руководящей и кадровой работы».

— Кстати, какое образование у Штофа? — спросила я.

— По-моему, МИСИ.

— Инженерно-строительный?

— Да. Не пойму, откуда у тебя этот интерес?

— Надоели непрофессионалы.

— Ну, не скажи. Опыт руководящей работы у Кошотова — большой. Слышала о его связях?

— Кстати, откуда они?

— Из Госплана, — ответила Ника и продолжила чтение: «Руководитель должен знать цели и стратегию фирмы, основы делопроизводства; владеть навыками разрешения конфликтов, методами оценки личностных и деловых качеств сотрудников…» Видишь. Руководитель должен владеть навыками разрешения конфликтов.

Я выделила абзац и многозначительно посмотрела на дубовую дверь.

— А Штоф конфликты провоцирует.

— И какое предложение?

— Если бы начальником стала ты…

— С ума сошла.

Ника настороженно посмотрела по сторонам и зашептала:

— На такую должность сажают только своих. Здесь же и кадры, и финансы с социалкой.

— Да перестань. Если бы мне твои внешние данные и твоё образование…

— Причём тут внешние данные?

— Только представь: начальник отдела — настоящая бизнес-вумен. Высокая, стройная, умная… К тому же, психолог с университетским дипломом. Разве у тебя нет амбиций?

— Странные фантазии, — Ника встала, и зелёные глаза ярко блеснули. — Неожиданна, как всегда.

— А ты подумай.

Я встала за Никой и потянулась за сумкой. «Интересно, сколько ей лет? Порой — молодая, а порой — женщина средних лет».

Мы спустились на пятый этаж, известный как обеденная зона, и зашли в кафе «Латэ». Здесь всё располагало к разговорам: полумрак, мягкие кресла, тихая музыка. К тому же вкусно кормили и быстро обслуживали.

— Ну, рассказывай.

Ника взглянула на меня и откинулась в кресле.

— О чём?

— Что произошло? Ещё в пятницу ты походила на покрытый колючками кактус, а сегодня — загадочный бутон.

«Ничего себе заявление. Оказывается, новая подруга обладает образным мышлением».

Слово «подруга» было необычным, и, уставившись в стол, я задумалась. И было чему. До сих пор у меня не было ни единой подруги.

«Неужели методика старика работает? Сегодня на меня обращают внимание и мужчины, и женщины. Последние важней. Именно они — непознанные объекты, а я ведь — из их числа».

Прислушавшись к себе, я расслабилась.

— Не знаю, с чего и начать.

Я завозилась в кресле и умоляюще посмотрела на Нику. Её улыбка подбадривала и располагала к откровению, однако главным был интерес. Живой и неподдельный интерес.

— Знаю тебя полгода, — сказала Ника. — Честно признаюсь, твой стиль мне не нравился. Однако сегодня — в шоке. Ты влетела в отдел, как весенний ветер. Такая хорошенькая.

— Да брось, — смутилась я.

— Говорю как психолог. За твоими переменами видна рука опытного профессионала. Точнее, профессионалов. Шикарные сапоги, куртка, сумка. Совсем другой внешний вид. Однако это всё — ерунда. Меня поразило выражение твоего лица. В нём была такая страсть, что, извини, — даже вспотела от напряжения.

Ника подалась вперёд, и в её лисьих глазах я увидела такое женское любопытство, что, честно говоря, обрадовалась.

— Так не бывает, — прошептала Ника. — Впрочем, опять не то. Не бывает так внезапно.

Тёплая волна пробежалась по позвоночнику и, остановившись в копчике, стала пульсировать: «Бывает, бывает».

— Видела бы лица наших мужиков. Глядя тебе вслед, они только что не облизывались.

Трудно в это поверить, но хочется. Хочется, чтобы мужики глядели вслед, раздевали, любили. Разве я не достойна?

Я потупила глаза и начала:

— Всё началось с того, что от меня ушёл Граф. Хотя не совсем так. Сначала я уложила Графа на пол, затем он ушёл.

— Как уложила?

— Одним из приёмов самбо.

Признание давалось с трудом. И не мудрено. Никогда в жизни я не откровенничала. Ни с кем. Даже с отцом. Однако сейчас всё переменилось. В атмосфере уютного, полутёмного кафе витало нечто такое, что развязывало язык и тянуло на исповедь. Видя перед собой женщину, перед которой трепетали все мужчины (по крайней мере, в нашем отделе), я приоткрывала тайны и говорила, говорила…

Сколько продолжался мой рассказ, я не знаю. Помню, что поведала о Графе, Кеше, Сашке Бобкове и старике. Согласитесь, не велик набор. Но что интересно — в нём не было отца. Думаю, не потому, что мы долго не виделись. Причина глубже. Отец — мой фетиш, и говорить о нём я могла только с родным человеком. А Ника таковой не была.

— Как будто прочла роман, — сказала она. — Трогательный. Расскажи кому, не поверят.

— Только умоляю — ни слова.

— Не волнуйся. Я дорожу откровением, и потом…

Ника задумчиво посмотрела на меня и добавила:

— Выслушав тебя, как будто вернулась в прошлое. В своё прошлое. Поверь, там не было ни фальши, ни сомнительных комплиментов, ни сальных взглядов… Всё чисто, ясно и радостно.

Последнюю фразу я не поняла. Перехватив удивлённый взгляд, Ника протянула руку и, приподняв мои пальцы, спросила:

— Читала сентиментальные романы?

— Приходилось. В основном, английские.

— Тогда поймёшь. В таких романах есть страсть, мечта, мелодрама. И в твоём рассказе я увидела мечту. И её воплощение в жизнь. Одинокая девушка в одночасье преображается и становится соблазнительной женщиной.

— Спасибо, — от всей души воскликнула я. — Ты меня захвалила.

— Ничуть. Я видела в тебе характер уже полгода назад. Помнишь своё появление? Независимая, ершистая, с большой спортивной сумкой на плече. Поговорив с тобой, я подумала: «Для этой девицы нет авторитетов. Тот, кто этого не поймёт, может не устоять на ногах. Выходит, была права. Граф не устоял.

— А теперь? — прошептала я. — Что думаешь обо мне теперь?

Никино мнение было для меня бесценным. Ведь она — первая, перед кем я раскрылась.

— Думаю, что из тех, кого знаю, ты лучше всех.

— Не может быть.

— Может. Все, кто окружают меня, — фальшивки. Ни одного искреннего человека. И что за интересы?! Тряпки, косметика, мужики. Ничего больше.

Я судорожно вздохнула. Приятно быть особенной. Однако и я только что говорила о тряпках, косметике и мужиках.

— У тебя есть изюминки. Чанбара, говорящий попугай…

— Кеша-то тут при чём?

— Не скажи. Твои увлечения не стандартны, а это говорит о многом. И потом… Независимый характер. Разве это типично для девушки?

— А ты? Разве зависима?

— Я нет. Потому слушаю тебя с большим удовольствием.

Ника сжала мои руки, и я заметила: её взгляд скользнул по ногтям. Впервые в жизни у меня не возникло желания спрятать руки, и вообще…

Сегодня много чего было впервые.

— Французский маникюр. Где делала?

Я назвала салон и невольно посмотрела на часы.

— Знаешь, который час?

— Пятнадцать тридцать, — воскликнула Ника. — Три часа протрепались.

Я улыбнулась. Мне не приходилось трепаться три часа подряд. Оказывается, не так-то плохо.

— Бежим.

Ника вскочила с кресла и жестом пригласила официанта.

— Сейчас Штоф нам устроит.

Расплатившись, мы поспешили к лифту, и через пять минут уже сидели за своими рабочими местами.

— Вероника Сергеевна и Станислава Эдуардовна, — по громкой связи раздался голос секретаря. — Вас приглашает Феликс Петрович.

— Попались, — ухмыльнулся Чухров. — Сейчас спустит собак.

— Почему? — спросила я.

— У него — неприятности.

Ника подошла к моему столу и улыбнулась Чухрову.

— О ком речь?

— О Феликсе Петровиче.

— Вечная тема, — вздохнула она, и под сочувственные взгляды коллег мы направились к кабинету начальника.

***

Штоф сидел за столом и смотрел в пустоту. Его круглое лицо, покрытое иссиня-красными пятнами, выражало напряжённое раздумье. Судя по всему, разговор, произошедший на самом «верху», выбил его из колеи и заставил искать компромисс. А компромиссы Штоф не любил. В его лысой голове и слова-то такого не было. Кошотов был простым человеком, и отношения любил простые. Наорать, приказать, уволить — это ему было понятно. А тут компромисс.

— Объясните причину отсутствия в течение двух с половиной часов, — грозно сказал он.

Штоф впился в нас колючим взглядом и даже не предложил сесть. Ника сжала мне руку, и я поняла — лучше молчать.

— Разрешите сесть? — спросила она.

Штоф важно кивнул, и мы уселись за длинный стол, называемый «совещательным».

— Феликс Петрович, помните разговор о дресс-коде? — неожиданно спросила Ника.

Она придвинула к себе папку и открыла первую попавшуюся страницу. На ней была распечатка теста на профпригодность.

— Прежде чем объяснить наше отсутствие, позвольте небольшое отступление.

Штоф насторожился.

— Не мне говорить, что в отделе не хватает помещений. Согласны?

На лице Кошотова появилось недоумение. Он не понимал связи данного заявления с вызовом «на ковёр». Не понимала и я.

— Второй вопрос. Надеюсь, вы не забыли: в пятницу — ваше выступление перед руководством холдинга.

Штоф дёрнулся и подался вперёд.

— Так вот. Чтобы подготовить обещанные тезисы, я попросила Станиславу Эдуардовну перевести несколько статей. Пытаясь найти помещение, где можно спокойно поговорить, мы обошли весь институт. Увы, свободных комнат так и не нашли. Что оставалось делать?

Ника возмущённо посмотрела на Штофа и, тяжело вздохнув, ответила сама себе:

— Пришлось идти в первое попавшееся кафе. Представьте нелепость ситуации. Забившись в угол, психолог и менеджер финансового института обсуждают в кафе важные производственные вопросы.

— Здесь я бессилен.

Кошотов развёл руками.

— Знаю-знаю, — Ника продолжала наступать. — Тем не менее, следовало бы выбить помещение для психолога. Всего лишь небольшой кабинет. Неудобно, честное слово. Где это видано? Специалист, занимающийся разработкой стратегии и психологическим анализом, сидит в общем зале с тридцатью сотрудниками.

— Не надо на меня давить. Я подумаю о вашей просьбе.

— Извините. Надо не думать, а идти к руководству и требовать. Не узнаю вас, Феликс Петрович. С вашими-то связями…

— Времена меняются. Связи рвутся, и получить желаемое становится всё труднее, — с грустью ответил Штоф.

Поразительно. В голосе шефа — жалобные нотки. Видимо, Кошотов попал под грозовой ливень.

— После выступления перед руководством и просите.

Ника блеснула глазами и продолжила:

— Насколько мне известно, вы любите критиковать молодые кадры, а они, смею заметить, находятся на острие прогресса. Взять, например, Станиславу Эдуардовну. Мало того, что бескорыстно перевела статью с испанского, она ещё представила собственное видение современного развития организаций. Таких сотрудников надо поощрять.

Я опустила глаза и вцепилась в подлокотник. Только бы не рассмеяться. Надо же, перевернула всё с ног на голову и ещё заставляет Штофа оправдываться. Ну, и психолог!

— Что-то не понял. Разве у нас был разговор о дресс-коде?

Штоф покопался в органайзере и недоумённо уставился на Нику.

— Не виню вашу память, Феликс Петрович. Понимаю. Вал бумажной рутины, множество переговоров — за всем не уследишь. Потому и говорю — записывайте всё, даже мелочь.

Кошотов кивнул и послушно взял в руки карандаш. Похоже, Ника обладала не только психологическими знаниями, но и магией укрощения.

— Хочу поделиться своими наблюдениями, — продолжила Ника и зашуршала страницами.

— И за кем вы наблюдали?

— За сотрудниками. Их внешний вид не соответствует имиджу фирмы. Говорю об этом с большим сожалением.

Я поняла: Ника использует папку как элемент декорации.

— Ярко накрашенные ногти, пирсинг на лице…

— Что такое? — перебил Штоф.

— Серьги или украшения, — ответила Ника. — На бровях, губах… Где угодно.

— Надеюсь, таких женщин в нашем отделе нет?

— Бог миловал.

На минуту Ника задумалась, затем продолжила:

— Несвежие рубашки, кожаные брюки, обувь с открытыми носками, летом — голые ноги, сумки, украшенные брелками… Однажды я видела девицу, пришедшую на работу в шортах. Представляете, какой бардак. А это — наши вопросы.

Ника многозначительно посмотрела на Штофа.

— Уверены, что наши?

— Чьи же ещё? За персонал отвечает отдел планирования.

Штоф взмок. На его лице появилась испарина, и иссиня-красные пятна побагровели.

— Что предлагаете?

— Срочно заняться дресс-кодом. Не сомневаюсь, вы о нём слышали. По сути, корпоративный стиль — один из инструментов стратегии.

Штоф оторвался от блокнота и спросил:

— Стратегии чего?

— Общего развития фирмы.

— Не понял.

— Объясню на примере. Представьте себе ситуацию: приходит клиент в банк, и вместо респектабельного служащего видит сотрудника в одежде тинэйджера.

Кошотов недовольно засопел. Видимо, незнание английского языка и современного сленга вызывали в нём беспокойство.

— Тинэйджер — это подросток. Нетрудно предугадать реакцию клиента. Увидев засаленные джинсы и вытянувшуюся футболку, он повернётся и уйдёт. Согласитесь, доверия к подобному служащему у клиента не будет.

Я покраснела. Видимо, выпад в мой огород.

— К счастью, наша молодёжь поняла: имидж фирмы зависит и от работающих в ней сотрудников.

Ника толкнула меня ногой (дескать, у тебя — всё в прошлом) и продолжила:

— Однако в институте о подобных проблемах не думают. И в этом могут обвинить вас.

— Полагаете?

— Не сомневаюсь.

Кошотов — опытный аппаратчик, поэтому хорошо понимал: если не хочешь потерять место, надо идти в ногу со временем. Он чувствовал, поднятая Никой проблема заинтересует руководство. Кто знает, может быть, и он войдёт в милость?

— Что нужно сделать?

— Думаю, необходимо выйти с предложением о регламентации стиля одежды сотрудников.

— Белый верх, чёрный низ?

— Пройденный этап. По опросам имидж-консультантов, для деловой одежды предпочтительна серо-голубая гамма.

— Почему не чёрная? По-моему, хорошо. Строго, в меру консервативно…

— Чёрный цвет — траурный, а задача сотрудников — излучать оптимизм.

Ника посмотрела на меня и незаметно подмигнула. Штоф что-то писал.

— Подсчитал стоимость вашего предложения.

Кошотов посмотрел в записи и стал перечислять:

— Недорогой костюм — около десяти тысяч. Рубашки, ремень, туфли — ещё десять. Итого — двадцать тысяч. А ведь это, Вероника Сергеевна, непредвиденные расходы.

Глава 7

Отец позвонил из Франкфурта. Он сказал, что будет в Москве накоротке, и попросил его встретить. Собираясь в аэропорт, я тщательно уложила волосы и накрасилась. «Форд» нёсся в аэропорт «Шереметьево», а я, глядя на своё отражение в зеркале, представляла реакцию отца. Не было сомнения — увидев меня, он удивится.

— Что за метаморфоза? — спросит отец.

— Взрослею.

— Сдаётся, у зяблика роман.

Я улыбнусь и приглашу его в машину, о существовании которой он даже не догадывается.

— Новость, — воскликнет отец. — Откуда «Форд»?

— Купила в кредит, — отвечу я и включу музыку.

Звуки саксофона наполнят салон, и, неспешно беседуя, мы поедем домой.

Добравшись до аэропорта, я поставила машину на стоянку и вошла в зал ожидания. Часы показывали 22:30. Скоро прилетит. Почему-то появился страх. Его природу трудно понять. Может, страх за близкого человека, находившегося в воздухе; может, страх перед встречей.

«Как он — в порядке? Ведь не молодой — пятьдесят семь лет».

Я села на кресло и посмотрела вокруг. Провожающие, встречающие, улетающие, прибывшие. Несмотря на поздний час, человеческий муравейник жил своей жизнью, и среди этого множества людей для меня важен был только один — отец. Взгляды людей, сидящих в зале ожидания, скользили по моему лицу, поднимались к светящемуся табло, упирались в очередь пассажиров, стоящих на регистрацию, опять куда-то скользили. Этим людям не было дела ни до меня, ни до моей жизненной трансформации — они ждали или провожали родного человека, и только он представлял для них ценность, он и никто другой. Это естественно. По большому счёту мы нужны только им — близким и родным людям.

— Совершил посадку самолёт авиакомпании «Люфтганза», прибывший рейсом 3188 из Франкфурта, — донёсся голос диспетчера. — Встречающих просим подойти к шестому выходу.

«Сел. Всё нормально».

Я вскочила с кресла и бросилась к указанному выходу. В тот момент я даже не подумала о том, что самолёту надо вырулить к аэровокзалу, пассажирам пройти паспортный контроль и получить багаж. Пульсировала одна только мысль: «Прилетел!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.